

Прижизненное полное собрание сочинений как форма само/репрезентации писателя (принципы изучения)

Несмотря на повышенный интерес к проблемам метатекстуальности, который мы наблюдаем в последние годы, полные собрания сочинений как вид издания принадлежат к наименее исследованным метатекстовым образованиям. Что же касается *прижизненных* полных собраний сочинений (далее – ППСС), то даже книговеды выстраивают классификацию видов изданий без их учета. Литературоведы полные собрания сочинений интересуют прежде всего в прикладном аспекте, когда ставится задача редакционно-текстологической подготовки того или иного издания либо оценивается ее решение. И разумеется, речь в данном случае идет о посмертных научных или академических изданиях. При этом недостаточно внимания уделяется исследованию работы самих писателей над подготовкой полных собраний своих сочинений, не решается на теоретико-литературном уровне смежная текстологическая проблема соотношения авторских и ре-

дакторских составляющих творческого процесса. Наконец, ввиду того, что история изданий (как состоявшихся, так и не состоявшихся) – важное звено функционирования литературы, а обращение авторов прижизненных полных собраний сочинений к современникам, отзывы критиков и литературоведов, раскупаемость тиражей касается коммуникативной стороны творчества (в том числе вопросов читательского восприятия), то еще одной теоретической составляющей предлагаемой для обсуждения темы является проблема *историко-функционального изучения литературы*.

Сразу замечу, что в случае с ППСС речь идет не о провозглашении очередной научной категории (по аналогии с циклами, книгами стихов/прозы и т.д.), а о стремлении выявить давно существующий, но не исследованный литературный феномен и посмотреть, что дает его изучение для понимания творчества отдельно взятых авторов. Возникает зако-

номерный вопрос: не подменяется ли в данном случае рассмотрение традиционного понятия *творчество* того или иного писателя разговором о его ППСС? Другими словами, не идет ли речь об эквиваленте всего (с некоторыми оговорками) написанного на данный исторический момент. Как можно убедиться на конкретных примерах, будучи особым литературным феноменом, ППСС предполагает отбор текстов, их редактирование (а в некоторых случаях – переписывание), публикацию новых – и не совпадает полностью с тем, что принято называть *творческим наследием* писателя.

В результате анализа источников (куда вошли 90 словарей, энциклопедий и справочников о писателях, несколько десятков других изданий, росписей книг из библиотек и книжных магазинов, сводных каталогов, списков книг, выходивших в России, книжных летописей и т.д.) удалось впервые составить перечень ППСС, включающий 45 авторов: Л.Н. Андреев, Д. Бедный, А.П. Бибик, Ф.В. Булгарин, К. Булычев¹, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, М. Вовчок, П.А. Вязем-

ский, Н.Г. Гарин-Михайловский, К.Ф. Головин, И.А. Гончаров, М. Горький, Д.В. Григорович, А.С. Грин, С.И. Гусев-Оренбургский, Ф.М. Достоевский, П.В. Жадовский, Н.П. Жандр, В.Д. Залозецкий, Н.Н. Каразин, В.Г. Короленко, А.И. Куприн, А.Н. Майков, Д.С. Мережковский, Д.Л. Мордовцев, А.Н. Островский, С.П. Подъячев, Я.П. Полонский, К. Прутков², П.С. Романов, А.И. Свирский, А.С. Серафимович, С.Н. Сергеев-Ценский, Скиталец, И.В. Соколов, Вс.С. Соловьев, А.И. Сумбатов, С.Г. Фруг, А.П. Чехов, А.К. Шеллер-Михайлов, В.Я. Шишков, И.Г. Эренбург, С.С. Юшкевич, А.С. Яковлев.³

² Особый случай, который являет собой в полном смысле слова цельное художественное произведение и не может быть рассмотрен в одном ряду с ППСС реальных людей, т.к. под псевдонимом скрывалось несколько авторов: П.П. Ершов, А.К. Толстой, В.М. Жемчужников, Александр М. Жемчужников, Алексей М. Жемчужников.

³ В поле зрения не входили ППСС философов, политических и религиозных деятелей, ученых и всех тех, кто не писал художественные произведения. Не учитывались, к примеру, прижизненное *Полное собрание сочинений* П.Ф. Алисова, поскольку в него включены только публицистические работы критика и поэта, *Полное собрание сочинений, печатавшихся до сих пор за границей* Л.Н. Толстого или его же *Полное собрание*

¹ Далеко не самый показательный пример для нашей темы.

Примечательно, что в составленном перечне бок о бок оказались писатели не только первого, но второго и даже третьего ряда. Осмелюсь предположить, что далеко не все они удостоятся посмертного полного собрания сочинений. Тем интереснее обратиться к их прижизненным изданиям, выпуск которых был подчинен решению не научно-исследовательских, а творческих и коммерческих задач.

сочинений, запрещенных русской цензурой как не содержащие художественных текстов. В сферу внимания попадают только русские (писавшие по-русски) авторы художественных текстов XIX и XX веков, поскольку до этого, как удалось установить, ППСС в русской литературе не появлялись. Наконец, привлекались только те издания, в названиях которых присутствуют слова *Полное собрание сочинений*, а не *Сочинения* (в том числе – относящиеся к серии *Полное собрание сочинений русских авторов*, издававшейся А.Ф. Смирдиным) или *Собрание сочинений*. Соответственно, исключительно по формальному принципу, за рамки выносятся прижизненные *Полное собрание стихов* К.Д. Бальмонта, *Полное собрание стихотворений* Н.В. Гербеля и одноименные издания Н.М. Минского, Я.П. Полонского, Д.М. Ратгауза, Д.И. Хвостова, *Полное собрание сочинений и переводов* В.Я. Брюсова, *Полное собрание драматических сочинений и переводов* А.Ф. Федотова, *Полное собрание повестей и рассказов* И.И. Ясинского и другие подобные издания.

Наибольший исследовательский интерес представляют авторизованные ППСС (появление которых стало следствием развития коммерческих отношений между издателями и авторами), завершенные и переиздававшиеся. Несмотря на недостатки (относительность полноты, слабость текстологической подготовки, ошибки, опечатки и адресованность прежде всего массовому читателю), такие издания ценны, поскольку отражают авторскую волю (а в случае переиздания – ее изменчивость) и оценку писателем собственного наследия (она проявляется уже в отборе и расположении текстов). Без тщательного изучения подобных изданий невозможно достичь глубокого понимания личности автора, его творчества и подготовить академическое полное собрание сочинений. В свою очередь, изучение ППСС русских писателей целесообразно вести с позиций *текстологии, истории литературы и интерпретирующей поэтики*.

При текстологическом подходе ППСС необходимо рассматривать на *макротекстологическом* уровне, который, к сожалению, еще недостаточно

хорошо уяснен в филологии. Задачи *макротекстологии* как особого текстологического метода сформулировал Д.С. Лихачев. Применительно к печатным текстам нового времени они, как известно, состоят в изучении влияния на текст произведения включения его в какой-то большой сборник, в том числе в состав собрания сочинений. Вне *макротекстологического* рассмотрения ППСС как сложного целого остается изучение истории каждого отдельного текста. Следовательно, за скобки выносятся существенная часть работы по установлению текста: анализ всех разночтений, ошибок, цензурной истории, а также восстановление того, что современными учеными именуется *текстовым ореолом* литературного произведения. Что касается общих текстологических задач, стоящих перед исследователем ППСС, то первой из них будет типологическая характеристика изучаемого издания, которая, как правило, опирается на внешние признаки и может носить сопоставительный характер (если речь, к примеру, идет о нескольких ППСС одного автора). Во-вторых, необходимо тщательно проанализировать состав издания и оценить сте-

пень его полноты. В данном случае от ученого потребуются выявление произведений, опубликованных ранее, но не вошедших в ППСС. Задача может осложняться отсутствием полной научной библиографии того или иного автора. Вопрос о мотивах, по которым тексты не были включены, не должен игнорироваться. Однако вероятно, что ответ на него будет получен на следующих этапах работы. Несмотря на то что ППСС вторичны по своей природе, складываются после создания составляющих их произведений, некоторые тексты, включенные в собрание, могут публиковаться впервые, и это должно быть отмечено литературоведом. Далее внимание исследователя акцентируется на композиции ППСС, которые представляют собой не только текстовый, но и книжный ансамбль. Можно сказать, что речь идет об *архитектуре* ППСС, внешних связях между произведениями и принципах расположения текстов, нуждающихся в обосновании. Еще одна задача, стоящая перед исследователем ППСС с текстологической точки зрения, – охарактеризовать научно-справочный аппарат, который в минимальном виде может присутствовать не только в

научно-массовых, но и массовых изданиях. К научно-справочному аппарату ППСС относятся неавторские статьи критико-биографического характера, вспомогательные указатели, комментарии. Если говорить о ППСС, которые преимущественно носят массовый или научно-массовый характер, то в них научно-справочный аппарат либо совсем отсутствует, либо представлен в минимальном виде и в каждом случае индивидуален по своему составу. В отдельных случаях он оказывает помощь при изучении творческих и нетворческих составляющих воли автора (редактора, составителя или издателя).

В не меньшей степени, чем текстологический, значим историко-литературный подход. Главной точкой их сближения является принцип контекста. О его важности для филологической критики текста говорили В.В. Виноградов, А.Л. Гришунин, Л.В. Щерба. В свою очередь, Лихачев использовал понятие *литературный конвой*. Историко-литературное изучение ППСС предполагает решение нескольких задач. Во-первых, следует выяснить причины, побудившие автора или издателя к выпуску ППСС,

а также исследовать процесс подготовки такого издания. Во-вторых, необходимо вписать рассматриваемое ППСС в контекст, определив его место в творчестве автора, литературном процессе. Наконец, нужно охарактеризовать реакцию современников на выход ППСС. У историко-литературного и текстологического изучения ППСС не только смежные задачи, но и общая проблема – разграничение авторской и редакторской составляющих издания. Воля автора ППСС должна быть разведена с волей редактора (если они не совпадают) и тщательно изучена с точки зрения ее мотивации. Это имеет непосредственное отношение к проблеме установления текста. Она весьма существенна, т.к. при выборе основного источника текста исследователи порой ориентируются на последнее прижизненное авторизованное издание, что не всегда оправданно. За исключением случаев, когда прижизненное издание выходило без участия автора, в издательской практике встречаются формы активной (писатель прочитал и исправил текст) и пассивной (писатель только поставил под текстом подпись) авторизации. Как известно, авторизация

всего собрания сочинений не гарантирует авторизацию каждого отдельного текста. Документальными свидетельствами могут служить самые разные источники, главными из которых являются договоры издательств с писателями, а также издательская переписка. Отсутствие документальных свидетельств (или их недостаточное количество) существенно осложняет исследовательскую задачу. В таком случае разграничить участие автора и редактора труднее (особенно при изучении состава издания, его композиции) и опираться приходится только на имеющиеся внутри ППСС сведения (авторские или редакторские предисловия, примечания и проч.). В данной ситуации помощь может оказать даже реклама, обычно помещаемая в конце издания. Помимо сведений об авторизации, в рекламных объявлениях могут также оговариваться принципы расположения текстов.

Поэтологический подход помогает ответить на вопрос об эстетической природе ППСС в посттрадиционалистскую эпоху – время, когда были сломаны привычные представления о гомогенности художествен-

ных произведений (совпадение их внутренней структуры с внешними границами уже необязательно). Яркий пример *открытой* формы – циклические образования в разных родах литературы, которые иногда претендуют на статус самостоятельных литературных произведений. Однако, несмотря на поверхностное сходство, ППСС не могут рассматриваться как способ художественной циклизации по совокупности содержательных и формальных совпадений. В отличие от циклических образований ППСС – более широкое понятие. Во-первых, они включают в себя тексты независимо от их родо-видовой принадлежности (здесь могут быть и эпос, и лирика, и драма, и нехудожественные произведения) или особенностей речевой структуры (возможно наличие и стихотворных, и прозаических текстов), а во-вторых, ППСС в рамках творческого наследия одного писателя не противопоставлено более широкому корпусу текстов (за исключением другого ППСС того же автора, выпущенного позднее предыдущего). Таким образом, ППСС стоят над циклическими образованиями и могут включать их в себя. Целесообразно по-

этому рассматривать ППСС наряду с циклами, книгами стихов/прозы, но не в одном ряду с ними. Соответственно, мы не вправе говорить о ППСС как новом жанре (по аналогии с книгой стихов в поэзии Серебряного века) и художественном единстве в традиционном смысле этого понятия. ППСС являются типологической разновидностью литературных *метатекстов*. Строго говоря, метатекст – еще более широкое понятие, чем ППСС. Тексты в составе ППСС перестают быть равными себе. Отношения между ними выстраиваются по принципу монтажа в расширенном толковании (как формального средства связи отдельных частей в единое целое), а не в сугубо кинематографическом или узко литературном (как нарративной техники). Конечно, ППСС можно трактовать как комплекс произведений, объединенных под одной обложкой, не конкретизируя природу этого объединения. И, вероятно, с позиций интерпретирующей поэтики ППСС позволительно рассматривать не только в том случае, если оно было авторизовано. Творческая воля редактора (составителя, издателя) тоже представляет научный интерес как

вид интерпретации, а для обнаружения внутренних связей между произведениями не обязательно заключать их в полное собрание сочинений, даже если оно прижизненное, поскольку личность автора (сознательно или бессознательно) всегда будет выступать связующим звеном всего творчества. Для нашей темы представляют интерес именно авторизованные ППСС, в подготовке которых проявилось активное творческое начало самого автора, его воля. Исследователю, в свою очередь, предстоит понять стратегию автора, воплощенную в тексте. Таким образом, с точки зрения интерпретирующей поэтики об авторизованных ППСС можно говорить как о не только формальном, но и содержательном единстве. В плане содержания ППСС – своеобразной большой формы – существен тематический уровень, доминанту которого составляет внехудожественная реальность. Принимая во внимание первостепенность авторской воли как силы, организующей ППСС, можно предположить, что проблемно-тематический слой в таком случае наиболее интересен со своей личностной стороны: в нем запечатлен меняющийся во времени духовно-

биографический опыт творца (написанное прежде произведение попадает теперь в новый контекст). Отсюда неизбежность реконструкции автобиографического (и если говорить шире – биографического) пласта. Не менее ощутимо воля автора (и его личность) явлена на идейном уровне. Творец выступает носителем того или иного представления о бытии. Не принося значимость имперсональной стороны авторской субъективности, надо заметить, что для изучения идейного уровня ППСС как большой формы наибольшую ценность представляет *рефлексивный* аспект, авторская преднамеренность, организующая смысловое единство. С учетом вторичности ППСС по отношению к входящим в него произведениям авторская преднамеренность обнаруживает себя вдвойне.

Прямым способом выражения эксплицитных связей между *семантическими полями*⁴ яв-

ляются авторские предисловия ко всему ППСС, а не к отдельным произведениям, входящим в его состав. Обращенные к читателям, такие тексты выполняют общую коммуникативную функцию, но цели, преследуемые авторами, порой разнятся. Авторская позиция (или установка), выраженная в теории, может остаться не реализованной на практике, и это предмет для специального исследования.

Что касается имплицитных связей, образующих смысловой каркас ППСС, то они проявляются на предметном, композиционном и словесном уровнях. Теоретически в качестве константных и связующих компонентов могут выступать любые фрагменты формы. На предметном уровне, представляющем художественно освоенную и преображенную реальность, наибольшим потенциалом в этом смысле обладают типы персонажей (как носители устойчивых качеств) с их ценностными ориентациями. Пристальное внимание к персонажам обусловлено тем, что в некоторых случаях их можно рассматривать как выразите-

общим признакам. Подразумевается, что так называемые *семантические поля* связаны между собой, образуя идейно-тематическое единство.

⁴ Словосочетание *семантическое поле* (давно существующее в лингвистике в качестве термина с четкой дефиницией) здесь используется на правах *научной метафоры* или *ситуативного термина*. Речь идет о самой крупной смысловой единице, которая может быть выделена в составе ППСС, объединяющей компоненты содержания разных текстов по

лей ценностных ориентаций самого автора, объединяющего своей личностью все тексты ППСС. В связи с персонажами интерес могут представлять их портретные, психологические, речевые характеристики, формы поведения в тех или иных ситуациях, материальное окружение (вещи, природа). Особую значимость представляет хронотоп. На словесном уровне языковые средства, выражающие взгляды писателя в форме авторских отступлений, идейных споров персонажей и т.д., в рамках ППСС интересны не сами по себе, а контекстуально, в аспекте композиции, которая представляется доминантным уровнем для анализа содержательной формы ППСС. Выражая авторскую активность, композиция обеспечивает единство и целостность ППСС, к тому же она неразрывно связана с предметным и словесным уровнями. Важнейшими композиционными приемами при построении ППСС являются повторы и их вариации. Семантически насыщенные повторы, переходящие в мотивы и представленные самыми разными формами (предметными, речевыми и т.д.), являются не только композиционными связями, но и скрытым клю-

чом к идейному содержанию и тематике.

Не менее важными, чем мотивы, на уровне композиции оказываются со- и противопоставления образов, событий, языковых единиц, текстов. Главенствующий в рамках ППСС – *монтажный* принцип соотнесения компонентов формы (по сходству или контрасту), когда внутренние, ассоциативные связи более важны, чем внешние (пространственно-временные и причинно-следственные). Единство композиции обеспечивается не только ассоциативными связями. Оно может возникать на границах самостоятельных текстов, которые сопоставимы с *монтажными кусками*. При этом *стыки* нуждаются в пристальном внимании со стороны исследователя. Особую ценность они приобретают, когда расположением произведений внутри собрания занимался сам автор. В этой связи внимание следует обратить на *авторские микротексты*, участвующие в монтаже: названия произведений и разделов, эпиграфы, посвящения, датировка и др. Не меньшую структурообразующую роль берут на себя начало и конец как маркированные позиции текстов. Помимо указанных

способов, композиционная целостность подчеркивается обрамлением ППСС: авторскими предисловиями, примечаниями, а также оглавлением⁵. Отсутствие сквозных сюжетов и героев в ППСС компенсируется единством личности творца и его стратегии, подключение к которой осуществляется непосредственно через авторские предисловия, выполняющие по отношению к ППСС комментирующую (возможно, с элементами интерпретации) функцию, и примечания, функционирующие как способ коммуникации (связывая автора и читателя), авторефлексии (связывая автора и его тексты), гипертекст (связывая тексты между собой). Важнейшим связующим звеном в ППСС выступает также оглавление, которое традиционно рассматривают как служебный и не всегда обязательный элемент. Вот почему литературоведческих работ, специально посвященных оглавлению,

очень мало. В то же время очевидно, что у оглавления ППСС полифункциональная природа. В рамках ППСС как метатекстового образования имеет смысл говорить об особой роли заглавий в их соотношении друг с другом, которые пунктирно указывают на идейный и тематический уровни целого. Однако в нашем случае оглавление может выполнять обрамляющую и смыслообразующую функции, если оно относится ко всему ППСС, заключая его. Иногда функции отсутствующего оглавления выполняет рекламное объявление, содержащее роспись ППСС. Через композицию в ППСС может реализовываться понятие писательского пути, связывающего воедино все тексты. Чем больше произведения того или иного автора тяготеют к автобиографизму, тем явственнее проступает его путь. Но самым важным в удержании внутреннего единства ППСС оказывается мироощущение автора, его картина мира. В то же время нельзя забывать, что субъектом, легитимизирующим единство ППСС, как и любого другого метатекста, является не автор, а читатель, способный на основе авторского намерения соотнести данные ему тексты

⁵ По отношению к некоторым из этих компонентов применим термин *паратекст* (введен Ж. Женеттом в 1982 году). Его использование представляется оправданным и в нашем случае, поскольку существует опасность метонимического сближения упомянутых рамочных и нерамочных компонентов отдельного произведения и всего ППСС.

и выстроить их в единое целое. Иначе говоря, автор и читатель – это те два полюса, между которыми протянута ось целостности ППСС как большой формы, сложно организованного структурно-семантического единства.

В заключение стоит отметить, что теоретически имманентный взгляд на ППСС может быть дополнен каузальным. При этом закономерно возникнет необходимость сравнить *автопортрет* (индивидуальность авторского самовыражения через ППСС) с *портретом* того же писателя, но сделанным без его участия (например, в ситуации неавторской подготовки ППСС)⁶.

⁶ Конкретной иллюстрацией всех теоретических положений служит монография (см. Холиков 2014).

Библиография

Холиков 2014: А.А. Холиков, *Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика*, Нестор-История, Москва; Санкт-Петербург, 2014.